

ISSN 0042-8736

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

6

1 9 9 0

М. НИКИТИН,
младший научный сотрудник ИЭ АН СССР

ТРУДНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПЕРЕХОДА К ТВЕРДОЙ ВАЛЮТЕ В 20-е ГОДЫ

Осознание принципиальной важности решения валютно-денежных проблем на нынешнем этапе радикальной хозяйственной реформы обусловило всеобщее преклонение перед денежной реформой 1922—1924 гг. Все чаще раздаются призывы провести аналогичную реформу, выпустить устойчивые (а желательно и конвертируемые) «червонцы», обращающиеся параллельно со «старыми» рублями, а затем, по мере перестройки всей хозяйственной системы на рыночных началах, заменить новой полноценной валютой дискредитировавшие себя «бумажки». В этих условиях целесообразно детально проанализировать опыт денежной реформы 20-х годов, выявить достоинства и недостатки параллельного обращения двух валют¹ а также специфику денежной политики в хозяйстве с высоким удельным весом государственного сектора.

Финансовое положение страны в 1921—1922 гг. было крайне тяжелым. За 9 месяцев 1922 г. дефицит госбюджета составил 43,4% всех его рас-

¹ Следует отметить, что с 1989 г. стали появляться публикации, демифологизирующие переход к твердой валюте в начале 20-х годов (см., например, Маневич В. Денежная реформа 1922-1924 гг. и валютная система нэпа.-Экономика и математические методы, 1989, вып. 4).

ходов². Он покрывался за счет эмиссии быстро обесценивающихся советских денежных знаков. Так, за первую половину 1922 г. денежная масса в обращении увеличилась в 18,2 раза, а цены — в 20 раз. Развитие рыночных отношений требовало устойчивых денег. Особенно настоятельной такая потребность стала осенью 1922 г. Завершение сбора и реализации урожая, связанный с этим спад деловой активности, вызвали новый виток инфляции (в сентябре 1922 г. цены по сравнению с предыдущим месяцем выросли на 23%, а в октябре — на 58%) и резкое увеличение спроса на золото, другие драгоценные металлы и устойчивую иностранную валюту, используемые для вложения временно свободных средств. Возникла необходимость выпуска устойчивых денег, заменяющих золотовалютные ценности в качестве средства сбережения.

В конце ноября 1922 г. Госбанк начал выпускать банковские билеты (червонцы), имеющие золотое содержание. Приблизительно до конца весны червонец рассматривался не как деньги в полном смысле слова, а как особый товар, призванный предохранять накопления граждан и юридических лиц от обесценения. При этом считалось, что банкноты, увеличивая потребность в совзнаках, необходимых для их купли-продажи как товара, а также предотвращая спекуляцию другими товарами и валютой, будут тормозить обесценение совзнака.

Основным методом поддержания валютного курса и покупательной способности банкноты были валютные интервенции на фондовых отделах товарных бирж. Госбанк продавал и покупал за червонцы золото и иностранную валюту с тем, чтобы поддерживать валютный паритет банкноты примерно на уровне, соответствующем номинальному золотому содержанию (один червонец за один фунт стерлингов). Стабилизация покупательной способности червонца осуществлялась с помощью купли-продажи их за совзнаки (так как товарные цены устанавливались в совзнаках, покупательная способность червонца прямо зависела от его курса на совзнаки).

Стабильный валютный паритет червонца был, по мнению руководителей Наркомфина, главным свойством устойчивой валюты: «В условиях товарного хозяйства деньгами является золото... Поскольку восстанавливается товарное хозяйство, постольку деньги должны быть золотыми или твердо заменяющими золото»³. С началом первой мировой войны место золотомонетного стандарта занял золотодевизный стандарт. Валюты большинства стран, не имеющих значительных золотых запасов, обменивались без ограничения на фунты стерлингов и доллары, то есть валюты, играющие роль мировых денег и непосредственно связанные с золотом. В таких условиях устойчивость валюты понималась как стабильность золотого паритета.

Итак, с одной стороны, возможность купить за червонцы валютные ценности обеспечила «доверие» к червонцам как к средству сбережения всех агентов хозяйственной жизни. С другой стороны, поскольку червонцы выпускались в обращение в процессе краткосрочного кредитования хозяйства и Госбанк требовал погашения этих ссуд червонцами, они принимались в уплату таможенных пошлин, а с января 1923 г. — и налогов. Оборот «принял» их в качестве средства обращения и платежа. До лета 1923 г. червонец практически не «выходил» из крупного оптового оборота и межбанковских расчетов как из-за высокого номинала купюр, так и из-за недоверия широких слоев населения к новой «бумаге».

Первоначально план стабилизации денежного обращения в стране не предусматривал вытеснения червонцами совзнаков. Предполагалось, что основной валютой останется совзнак, а червонец будет лишь дополнять

² Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развитая социалистического государства (1917-1925), ч. 1. М.: Госфиниздат. 1947, с. 331.

³ Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. Т. 2. М.: Финиздат 1926 с. 77.

его в крупнооптовом обороте и в качестве средства сбережения. Главной задачей по-прежнему была ликвидация бюджетного дефицита, прекращение эмиссии совзнаков и соответственно обесценения последних. Затем намечалось провести деноминацию (укрупнение денежной единицы путем обмена по единому твердому курсу старых денежных знаков на новые в целях облегчения учета и расчетов в стране) казначейской валюты — выровнять масштаб цен в совзнаках и червонцах, восстановив единство денежной системы.

За первые пять месяцев 1923 г. количество совзнаков в обращении возросло в 2,55 раза, а розничные цены (по индексу статистики труда) — в 3,62 раза, (за тот же период 1922 г. соответственно 12,19 и 17,66)⁴. В 1922/1923 гг. бюджетный дефицит сократился до 27,1% его расходов⁵. Кроме того, в июле—сентябре ожидалась сезонная стабилизация рубля, связанная с реализацией урожая и резким увеличением товарооборота. Даже в 1921 и 1922 гг., несмотря на непрекращавшуюся эмиссию, рост цен в эти месяцы практически отсутствовал. Меньшая эмиссия позволяла надеяться на более длительную стабилизацию, которую осенью намечалось закрепить с помощью частичного перехода от натурального продовольственного налога к денежному. Успешное проведение налоговой кампании позволило бы, во-первых, свести к минимуму эмиссию совзнаков, во-вторых, значительно ускорить процесс денатурализации крестьянских хозяйств. Для уплаты денежного налога крестьянам пришлось бы расширить реализацию сельскохозяйственных продуктов на рынке. Проникновение относительно устойчивых денег в деревню замедлило бы скорость их оборота (падающая валюта переходила из рук в руки гораздо быстрее устойчивой) и увеличило бы потребность хозяйства в деньгах.

Итак, скорая стабилизация рубля была возможна. Реализация описанного выше плана стала главной задачей финансовой политики. 7 июля 1923 г. ВЦИК принял постановление об ограничении ежемесячного выпуска совзнаков суммой в 15 млн. руб. золотом.

Однако стабилизация рубля была сорвана чрезмерной эмиссией червонцев весной — летом 1923 г. и последовавшим за этим стихийным вытеснением совзнака из обращения. В мае было выпущено 10 млн. червонных рублей, в июне — 22,5 млн., в июле — 41,2 млн., в августе — 53,9 млн. руб. В то же время в связи с летним «затишьем» на рынке реальная ценность денежной массы в обращении в августе была примерно такой же, как и в мае. Соответственно ценность совзначной массы резко снижалась со 113 млн. руб. на 1 апреля до 92 млн. руб. на 1 июня и до 50 млн. руб. на 1 сентября⁶. Обесценение совзнаков резко ускорилось. В мае цены (в совзнаках) выросли на 42%, в июне — на 52, в июле — на 66, а в августе — уже на 72%. Летней стабилизации цен не было и в помине. Обесценение совзнака способствовало расширению сферы распространения червонца. Летом он проник в розничный оборот. Осенью крестьяне в Туркестане отказывались продавать хлопок за советские денежные знаки⁷. Начался переход к червонным ценам в розничной торговле (и завершился в оптовой). Стремление агентов хозяйственной жизни быстрее избавиться от совзнаков, держать как можно большую часть кассовой наличности в устойчивой валюте сокращало сферу их применения, увеличивало оборачиваемость, что, в свою очередь, еще более ускорило обесценение.

⁴ Атлас З. В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М.: Госфиниздат, 1940, с. 160.

⁵ Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства, ч. 1. М.: Госфиниздат, 1947, с. 334.

⁶ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М.: Издательство Коммунистической академии, 1925, с. 234–235, 313.

⁷ Юровский Л. Н. Реформа денежного обращения. — Социалистическое хозяйство, 1924, № 1, с. 40.

Возникла угроза червонной инфляции. Покупательная способность банкноты, снизившаяся за первые 4 месяца 1923 г. на 8%, с 1 мая по 1 сентября упала сразу на 27%. Кроме того, значительная эмиссия крупнокупюрных банкнот вызвала к концу лета разменный кризис — недостаток совзнаков для размена имеющихся в обращении червонцев.

Чем объясняется избыточный выпуск банковских билетов весной-летом 1923 г.? Банкнотная эмиссия оказалась «неожиданным» источником финансирования государственного хозяйства, и хозорганы не преминули этим воспользоваться.

Но была и другая причина: руководители Наркомфина придерживались ошибочного мнения, будто стабильный золотовалютный паритет червонца, достаточные запасы драгоценных металлов и валюты в руках Госбанка дают «зеленый свет» выпуску в обращение новых банкнот. При этом не учитывалась монополия внешней торговли. Концентрация внешне-торговых операций в руках государства позволяла поддерживать валютный паритет червонца на высоком уровне, невзирая на соотношение между денежной и товарной массой внутри страны и уровень товарных цен⁸.

Итак, к осени 1923 г. эмиссия червонцев в прежних размерах стала невозможной, поскольку означала превращение банкноты в падающую валюту. В то же время сбор урожая, заготовки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов требовали значительной денежной эмиссии, так как надо было обеспечить деньгами государственных и кооперативных заготовителей. Правительство было вынуждено санкционировать выпуск советских денежных знаков на небюджетные цели — кредитование хлебо-заготовок. Такое решение означало смертный приговор старой казначейской валюте, поскольку казначейская эмиссия значительно превысила 15 млн. руб. С октября 1923 г. началась «агония» совзнака. В этом месяце цены выросли на 67%, в ноябре — на 110, в декабре — на 136%. Скорость обращения совзнака за 1923 г. выросла, по расчетам С. Г. Струмилина, с 30 до 300 оборотов в месяц⁹. Это еще более усилило обесценение. Гиперинфляцию также подтолкнул переход к ежедневному пересчету официального курса червонца (то есть соотношения между червонцем и совзнаком). До октября 1923 г. он пересчитывался раз в месяц и в течение следующего месяца все ассигнования из государственного бюджета производились по этому курсу независимо от фактического соотношения покупательных способностей обеих валют. С 1 октября пересчет осуществлялся ежедневно, что резко увеличило расходы государственного казначейства и нажим на печатный станок.

Срыв плана стабилизации рубля имел огромные негативные последствия. Главным из них был «кризис сбыта промтоваров», который связывают обычно с «ножницами» цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Об этом надо сказать подробно. До сих пор в советской экономической литературе можно встретить с мнением, будто трудности со сбытом промтоваров осенью 1923 г. были вызваны расхождением цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию (по сравнению с 1913 г.). Это расхождение объясняется, в свою очередь, большим снижением промышленного производства, чем сельскохозяйственного за 1914—1920 гг., взвинчиванием цен промышленными трестами в соответствии с «вредительским» приказом заместителя председателя ВСНХ «троцкиста» Г. Л. Пятакова от 16 июля 1923 г., а также высоким удельным весом частного капитала в оптовой и розничной торговле¹⁰. Одна-

⁸ В условиях классического товарно-капиталистического хозяйства подобная ситуация невозможна. чрезмерная денежная эмиссия в таком случае приводит к росту внутренних товарных цен, росту импорта, падению экспорта и оттоку благородных металлов и инвалюты за границу.

⁹ Струмилин С. Г. Обращаемость совзнака. — Экономическая жизнь, 1924, 30 марта.

¹⁰ См., например, Локшин Э. Ю. Очерки истории промышленности СССР. М. 1956. с. 117; Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917-1963 гг.). М.: Мысль, 1964, с. 48-59; Хабарова Г. О социалистической модификации стоимости. - Коммунист, 1988, № 1, с. 98.

ко если хозорганы сами устанавливали цены на производимую продукцию, а свыше 80% розничной торговли принадлежало «частнику», то совершенно непонятно, почему цены превысили равновесный уровень. Далее, изменившееся соотношение между товарной массой промышленного и сельскохозяйственного происхождения, возросшие издержки производства и индустрии должны были породить «ножницы». Но опять же неясно, почему размер «ножниц» оказался настолько велик, что сократившееся в 2 с лишним раза предложение промтоваров не находило достаточного спроса¹¹. Совершенно также непонятно, почему кризис возник именно осенью 1923 г., а не осенью 1922 или весной 1923 г., когда действовали все перечисленные факторы.

Авторы указанных концепций кризиса, как правило, игнорировали, во-первых, сезонные конъюнктурные факторы, а во-вторых, причины, лежащие в кредитно-денежной сфере.

Нарушение рыночного равновесия осенью 1923 г. было вызвано чрезмерным кредитованием Государственным банком государственных и кооперативных хозяйственных организаций и связанной с этим «агонией» совзнака. Кредитование промышленности и торговли весной—летом 1923 г. осуществлялось главным образом в виде подтоварных и целевых ссуд. Хотя предложение промтоваров уже с весны превысило конечный потребительский спрос, хозорганы продолжали увеличивать производство, надеясь на сезонное расширение рынка в ходе реализации урожая. В связи с намечаемым переходом к денежному налогу руководители промышленности рассчитывали на значительный прирост крестьянского спроса. Эти расчеты не оправдались. «Перенос» последствий чрезмерной эмиссии червонца на совзнак и «агония» совзнака означали перераспределение спроса городских потребительских и крестьянских хозяйств в пользу государственной и кооперативной промышленности и торговли. Особенно сильно пострадал деревенский спрос, потому что червонец только начал проникать в деревню. Осенью Госбанк прекратил «либеральное» кредитование промышленности и торговли (в сентябре червонная эмиссия составила 43,2 млн. руб., в октябре — 17,4, а в ноябре — 1,3 млн. руб.)¹². Поэтому затоваривание готовой продукцией повлекло острые финансовые затруднения предприятий, стагнацию производства. Именно в сентябре—октябре превышение предложения над спросом стало трактоваться как «кризис».

Существовали и другие причины, способствовавшие обострению рыночного неравновесия. Прежде всего условия сдачи сельскохозяйственного налога. Налог устанавливался в ржаных единицах, а взимался по желанию крестьян натурой или деньгами в соответствии с утвержденными эквивалентами. Поскольку пересмотр эквивалентов не успевал за ростом цен, крестьяне предпочитали сдавать налог совзнаками, а не натурой. Огромная масса хлеба хлынула на рынок (1923 г. был урожайным), что при крайне слабом развитии рыночной инфраструктуры и несвоевременном финансировании государственных хлебозаготовок вызвало катастрофическое падение цен на хлеб (в червонцах).

Далее, преобладание подтоварных и производственных ссуд при кредитовании промышленности и торговли Государственным банком. На 1 ию-

¹¹ С. Г. Струмилин определил «нормальное» расхождение ножниц на 1 октября 1923 г. в 163%, причем под «нормальным» он понимал отступление от довоенной пропорции промышленных и сельскохозяйственных цен, вызываемое неполным использованием мощностей на действующих предприятиях и ростом накладных расходов, а также снижением производительности труда по сравнению с 1913 г. В. А. Базаров, учтя также изменение налогов, банковских процентных ставок и железнодорожных тарифов, определил величину «ножниц» в 180-185% (Базаров В. А. «Ножницы» и плановое хозяйство.- Экономическое обозрение, 1923, № 11, с. 13). Однако фактический размер «ножниц» на ту же дату составил 315%, а оптовых-320%.-Экономическое обозрение, 1923, № 12, с. 15.

¹² Кузовков Д. Указ. соч., с. 319.

ля 1923 г. структура задолженности промышленности Госбанку была такова: учет и онколь векселей — 9,1 %, подтоварные ссуды — 21, целевые кредиты — 62,0%¹³. В последующие месяцы доля вексельных кредитов упала еще больше, хотя с точки зрения задачи налаживания рыночных связей между обособленными хозяйствующими субъектами эта форма кредита является наиболее целесообразной (в данном случае банком финансируется уже совершенная сделка, стимулируется реализация произведенной продукции). Подтоварными и производственно-целевыми кредитами, напротив, финансируется вся хозяйственная деятельность треста (или другой организации) независимо от спроса на его продукцию и хода ее реализации.

И, наконец, неразвитость торгового аппарата и резкое сокращение кредитования торговли в сентябре—октябре. У торговых организаций порой не было возможности доставить промтовары из мест производства и оптовой торговли ими (Москва, Нижний Новгород) в «глубинку», где они могли быть проданы.

Однако главной причиной кризиса сбыта была излишняя червонная эмиссия весны—лета 1923 г. Бюрократизация управления, монополия структура производства, «мягкие бюджетные ограничения»¹⁴ трестов и других хозяйственных организаций создали мощный нажим на печатный станок. При этом либеральное финансирование промышленности шло одновременно и через кредитную систему, и через бюджет. Наибольшее повышение цен происходило в металлопромышленности, которая вовсе не кредитовалась Госбанком, но зато получала большие бюджетные дотации. Немалые суммы были выделены также военной и нефтяной промышленности (последняя только в течение весны 1923 г. получила около 20 млн. руб. золотом на капитальные затраты)¹⁵.

Поскольку в развитии кризиса важную роль играли сезонные колебания конъюнктуры и административных препятствий снижению цен не существовало, последствия кризиса были изжиты достаточно быстро. Развертывание в широких масштабах заготовок хлеба, внедрение в деревенский оборот червонца и самое главное снижение цен на промышленную продукцию (индекс отпускных цен ВСНХ снизился за октябрь—декабрь 1923 г. на 13%, а всесоюзный индекс розничных цен Конъюнктурного института Наркомата финансов по промтоварам — на 14%) позволили в конце календарного года существенно сократить товарные запасы. Следует подчеркнуть, что осенью 1923 г. распоряжения Комиссии по внутренней торговле о снижении цен выполнялись хозорганами, так как это соответствовало экономической необходимости. Достаточно было нескольких ее постановлений, чтобы целый ряд синдикатов и трестов снизили свои цены на 15—20%¹⁶.

В то же время кризис сбыта и административные меры по снижению цен оказали негативное влияние на формирование парадигмы экономического мышления 20-х годов и на дальнейшую хозяйственную политику. Сложилось представление, будто одним из основных препятствий на пути индустриального и вообще экономического роста является ограниченность платежеспособного спроса крестьянства (а также других слоев трудящихся). Поэтому важнейшая задача состоит в повышении покупательной способности населения. Возникший вскоре «товарный голод» считался даже преимуществом советской системы — преодолеваются свойственные товарно-капиталистическому хозяйству ограничения роста производства. Такие представления разделял Н. И. Бухарин. Отсюда следовала па-

¹³ *Экономическая жизнь*, 1923, 15 октября.

¹⁴ Термин венгерского экономиста Я. Корнай, означающий способность хозорганов «перекладывать» на экономическую среду или общество в целом свои неэффективные и другие излишние затраты.

¹⁵ Сокольников Г. Я. Указ. соч., с. 87.

¹⁶ Фалькнер С. А. О товарной и денежной теориях повышения цен. — *Социалистическое хозяйство*, 1923, № 9—10, с. 53.

радика «советской политики цен» — цены на товары широкого потребления должны снижаться независимо от соотношения платежеспособного спроса и предложения, причем допустимо и даже необходимо централизованное регулирование цен.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 мая 1924 г. был создан Наркомат по внутренней торговле, в задачи которого входило установление предельных цен, сбивание цен товарными интервенциями и другие мероприятия, дезорганизующие рынок.

Негативные последствия срыва плана стабилизации рубля и «агонии» совзнака осенью 1923 г. кризисом сбыта не ограничивались. Совзнак обесценивался так быстро, что официальный курс червонца еле поспевал за рыночным. По этой причине, а также из-за резкого сокращения червонной эмиссии в октябре—ноябре, возник лаж на червонец (превышение рыночного курса над официальным), доходивший в декабре 1923 г. в провинции до 10%¹⁷. Банкнота исчезла из оборота и превратилась в объект валютной спекуляции. Так как обесценение совзнака затрагивало интересы всех юридических лиц и отдельных граждан, началась всеобщая борьба за переложение убытков от гиперинфляции и курсовой разницы. Госбанк в течение всего дня, а другие кредитные учреждения после определенного часа стали принимать вклады и платежи в совзнаках по курсу завтрашнего дня (по курсу, установленному котировальной комиссией фондового отдела Московской товарной биржи на 2^{1/2} часа пополудни и объявленному на следующий день официальным¹⁸). В свою очередь, торговые организации ввели специальные накладки на продажные цены, чтобы компенсировать курсовые потери. Все эти меры еще больше подстегивали инфляцию.

Во время «агонии» резко упал интерес хозяйственников к совершенствованию и рационализации производства, сокращению издержек и т. д. Прибыли и убытки доходили в эти месяцы до 3—5% в день в зависимости от того, удавалось или нет своевременно обменять совзнаки на червонцы и по какому курсу.

Поскольку денатурализация государственного хозяйства полностью завершилась, наибольшие потери от инфляции нес сам бюджет. Только обесценение кассовой наличности в кассах Наркомата финансов, Наркомата путей сообщения и Наркомата почт и телеграфов составило 7—8 млн. червонных руб. в месяц, то есть более половины разрешенной на покрытие бюджетного дефицита эмиссии.

К началу 1924 г. стало ясно, что с завершением денежной реформы медлить нельзя. В то же время бюджетный дефицит не был еще ликвидирован. Роспись расходов и доходов на 1923/1924 г. была составлена с дефицитом в 180 млн. руб. (10—12% бюджета)¹⁹. Отложить реформу до осени, когда удастся полностью превратить казначейскую эмиссию, а реализация урожая позволит насытить деревенский оборот устойчивой валютой и сократить скорость оборота денег, было нельзя.

В феврале была прекращена эмиссия совзнаков. Одновременно были выпущены в обращение новые казначейские билеты в 1, 3 и 5 руб. золотом. Хотя новая казначейская валюта формально не была связана с червонцем, в обороте, нуждавшемся в мелких купюрах банкнот, она была признана в новом качестве, то есть 10 казначейских руб. приравнивались к одному червонцу. Затем была выпущена новая серебряная и медная монета. 7 марта 1924 г. СНК СССР принял постановление об изъятии из оборота совзнаков путем выкупа их по твердому курсу. 10 марта этот курс был установлен на уровне 10 руб. золотом за 50 тыс. руб. сов-

¹⁷ Юровский Л. Н. Указ. соч., с. 55.

¹⁸ Соколов А. А. Единая или параллельная валюта? — Вестник финансов, 1924, № 2, с. 42.

¹⁹ Лосевский Д. А. Денежная реформа в России. — Финансы и промышленность, 1924, № 3—4, с. 572.

знаками. «Агония» совзнака сразу же прекратилась. В последующие месяцы совзнаки были заменены новой казначейской валютой, эмиссия которой и покрывала сохраняющийся бюджетный дефицит. Денежная реформа таким образом завершилась.

Главная причина успеха на заключительном этапе реформы состояла в резком падении скорости оборота совзнаков после объявления твердого выкупного курса. К началу марта 1924 г. она превышала оборачиваемость червонца в десятки раз, и поэтому покупательная способность массы циркулирующих совзнаков упала до 13,3 млн. руб.²⁰. 10 марта разница в скорости обращения валют сильно сократилась, и Наркомфин получил неожиданный «подарок» в виде значительных эмиссионных возможностей, которые он использовал в течение весны и лета 1924 г.

Однако завершающий этап реформы не прошел гладко. Наркомфин оказался неподготовленным к резкому падению скорости оборота совзнака. Поэтому в марте 1924 г. разразился острый разменный кризис. Наибольшие трудности с мелкими деньгами были в провинции. В Царицынском округе, например, на железнодорожных станциях пассажиры были вынуждены покупать билеты в складчину на червонцы. В магазинах покупатели стояли часами в ожидании сдачи. Рыночный курс червонца сразу же упал ниже официального (то есть выкупного). В Тюменском округе расхождение между курсами доходило до 25%. Лишь летом 1924 г. разменные трудности были постепенно преодолены.

Итак, проведение денежной реформы 1922—1924 гг. отнюдь не было плавным и бескризисным. Кризис сбыта, прямые и обратные лажи, валютная спекуляция, разменный кризис — вот далеко не полный набор хозяйственных трудностей, сопровождавший переход к твердой валюте.

В то же время опыт стабилизации валюты в 20-е годы наглядно демонстрирует основное препятствие, лежащее на этом пути в условиях огосударствления значительной части хозяйства: «мягкие бюджетные ограничения» предприятий и организаций, монополия структура производства являются мощным инфляционным фактором, так как «давление» государственных и хозяйственных органов на финансовую систему и банки вызывает излишнюю (относительно потребностей товарного оборота) казначейскую и банкнотную эмиссию.

²⁰ Наше денежное обращение. М.: Финиздат НКФ, 1926, с. 194.